

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. З. С. Закружная
г. Москва, Россия

ПРИНЦИПЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГЕРОЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ЧЛЕНОВ ЛОКАФ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ОР ИМЛИ РАН)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
грант № 17-84-01005 а(ц) «Историография Гражданской войны в России
в памятниках литературы, дневниках писателей, переписке с читателями.
Исследования и публикации архивных материалов»

Аннотация: Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ) — последнее литературное объединение 1920–1930 гг. — включало в себя не только художественную, но и критическую секцию, которую составляли видные критики своего времени. Критика ЛОКАФа оказалась намного интереснее и продуктивнее литературного творчества объединения. Данная статья посвящена рассмотрению методологических принципов и указаний к изображению героя Гражданской войны в локафовской литературе. Рассматривается как эволюция этих принципов, так и социально-литературный контекст, влиявший на нее, особое внимание уделяется «перестройке» РАППа и издательскому проекту М. Горького «История гражданской войны». Теоретические разработки образа героя Гражданской войны сравниваются с разработками образа героя современности — героя пятилетки, героя-ударника, как в локафовской критике, так и в критике РАППа, ФОСПа, выступлениях руководителей Комсомола. Подробно анализируется один из ключевых локафовских докладов на тему изображения героя Гражданской войны — критика Л. Субоцкого. Показывается, каким образом разработанные локафовскими критиками теоретические положения отразились в критических статьях на страницах локафовских журналов и в статьях более позднего времени, когда уже был распущен ЛОКАФ и организован Союз советских писателей.

Ключевые слова: ЛОКАФ, критика, Гражданская война, литературный герой, Субоцкий, Фадеев, Серафимович.

Информация об авторе: Зоя Сергеевна Закружная — старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: z.zakrzhnaya@mail.ru

Дата поступления статьи: 18.05.2018

Дата публикации: 15.09.2018

Для цитирования: Закружная З. С. Принципы изображения героя Гражданской войны в литературно-критических выступлениях членов ЛОКАФ (по материалам архива ОР ИМЛИ РАН) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 171–184.

Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ) — одно из последних литературных объединений, созданных в 1930-е гг. Просуществовав всего два года (1930–1932), оно, в соответствии с Постановлением «О перестройке литературно-художественных организаций...» от 23 апреля 1932 г., самораспустилось, однако, в отличие от многих других литературных объединений и групп, не бесследно исчезло с литературной арены советского государства, а, сохранившись в практически неизменном виде, вошло в организованный Союз советских писателей (далее — ССП) в качестве «оборонных комиссий».

В ЛОКАФ вступили писатели самых разных возрастов, статусов, творческих принципов, социальных слоев. Думается, что система функционирования ЛОКАФа во многом предвосхитила созданный позже ССП. Более того, основной печатный орган объединения — журнал «ЛОКАФ», в 1931–1932 гг. выходивший как печатный орган ЛОКАФа в издательстве «Федерация», — с 1933 г. переименовывается в «Знамя», несколько изменяет подзаголовки и переходит в ведомство ССП, сохраняя при этом и состав редколлегии, и своих авторов. Журнал, как и само объединение, не исчезает из литературного процесса с роспуском литорганизаций, а продолжает активно функционировать и, надо отметить, издается по сей день. Уже исходя из этого можно заключить, что ЛОКАФ сыграл немалую роль в развитии литературы, критики и журналистики советского периода, однако ни структура, ни формы функционирования этого объединения не были до сих пор изучены. Предпринимались отдельные попытки связать деятельность ЛОКАФа с дальнейшим развитием тем и идей в литературе военного периода [4; 9], со становлением тоталитарного государства [6; 7], описать основные вехи развития одного из отделений ЛОКАФа [14]. Однако целостная история ЛОКАФа до сих пор не была представлена в научной литературе, не была изучена локафовская критика, не была рассмотрена история изданий объединения.

29 июля 1930 г. состоялось совещание писателей, на котором Литературное объединение Красной армии и флота было организационно оформлено. Здесь же была озвучена основная программа объединения. Первый доклад — Л. С. Дегтярева, ставшего одним из руководителей ЛОКАФа, членом совета Мослокафа, членом ЦС ЛОКАФа, редактором главного печатного органа объединения (журнала «ЛОКАФ»), — обозначил основные темы, к которым должны будут обратиться будущие локафовские писатели. Одно из центральных мест в предложенном списке занимала тема Гражданской войны: «<...> я бы сказал, что тема великой гражданской войны не только не исчерпана, но она еще освещена достаточно слабо. Целый круг больших вопросов, связанных с гражданской войной, еще не имеют освещения в нашей литературе»¹. Наибольшего внимания требовали, по мнению докладчика, «та часть, которая касается регулярной Красной Армии»², и вопрос об интернациональной сути Красной армии, а также тема женщины в Гражданской войне. «Достаточно бегло коснуться тех пробелов, какие мы имеем в литературе о гражданской войне, — для того, чтобы опровергнуть мнение, что якобы тема о гражданской войне сколько нибудь серьезно исчерпана. Великие годы гражданской войны еще ждут своего Льва Толстого, своего Виктора Гюго!»³ — подводил итог по вопросу Л. С. Дегтярев, утверждая тем самым тему Гражданской войны как одну из ведущих для будущего локафовского движения.

¹ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 120. Здесь и далее при цитировании архивных документов сохранены орфография и пунктуация оригинала.

² Там же.

³ Там же. Л. 120–121.

Однако в дальнейших обсуждениях и планах ЛОКАФа тема Гражданской войны практически не появляется. Исключение составляет сохранившееся в архиве ОР ИМЛИ РАН обращение Президиума ЦС ЛОКАФа «Ко всем писателям — членам ЛОКАФ, ко всем кружковцам ЛОКАФ, ВОАПП и ВОПКП»⁴, сообщающее о том, что ЦК ВКП(б) «одобрил инициативу великого писателя рабочего класса Максима Горького» и «решил приступить к изданию “Истории гражданской войны”»⁵. ЦС ЛОКАФа призывал членов объединения принять активное участие в подготовке издания и сообщал, что «Литературным организациям Советского Союза <...> дан ответственный заказ: обеспечить “Историю гражданской войны” высоким по качеству и правдивым по существу художественным материалом»⁶. О самом проекте М. Горького можно подробнее узнать, например, из статьи О. В. Быстровой [3], в отношении же ЛОКАФовского обращения интересно само определение — «правдивым по существу». Основываясь на обращении ЦС ЛОКАФа и материалах, свидетельствующих о первоначальном замысле М. Горького [3], можно предположить, что летом 1931 г. речь еще шла о восстановлении и записи истории, основанной на фактологии, реальных воспоминаниях участников, о «зафиксировании» и сохранении реальных событий. Именно к этой работе ЦС ЛОКАФа призывал присоединиться своих членов — собирать архивные материалы, записывать воспоминания участников и передавать их в редакцию «Истории Гражданской войны».

Однако активного отклика на обращение не последовало, и тема Гражданской войны снова перестала возникать в локафовских обсуждениях и документах.

Вновь вопрос о разработке темы Гражданской войны в «локафовской продукции» возникает уже только на Втором расширенном пленуме ЛОКАФа, который проходил 11–15 февраля 1932 г. Проводился он как пленум «перестройки», под впечатлением и по следам перестройки РАППа, которая была объявлена на 5-м пленуме РАППа (в декабре 1931 г.⁷) вследствие критики Партии и в результате дискуссии, развернувшейся между «Комсомольской правдой» и РАППом.

Партия и Комсомол (через свои основные печатные органы — «Правду» и «Комсомольскую правду») указывали на то, что проявилось отставание РАППа от требований реконструктивного периода. Оно заключалось в том, что РАПП «выдает» множество произведений, но они не соответствуют «требованиям эпохи», в том, что самокритики внутри РАПП оказывается недостаточно. Указывалось также на ошибки руководства РАПП (влияние воронщины, некритическое отношение к наследию Плеханова и др.); говорилось, что в РАППе «имелись элементы администрирования, командования», «а ведь РАПП, как всякая литературная организация», является «идейно-воспитательной организацией»; отмечалось, что в РАППе не изжиты элементы кружковщины («еще не совершен переход от кружков к положению основной ведущей партийной организации»⁸).

По следам РАППа Второй расширенный пленум ЛОКАФа был объявлен пленумом «перестройки». Одной из важнейших на пленуме стала тема показа героя-ударника, героя пятилетки. Импульсом к дискуссиям по этой теме, проходившим в 1931–1932 гг. повсеместно (см., например, доклад И. С. Макарьева «Показ героев труда — генераль-

⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 126. 2 л.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ См. о пленуме подробнее: [13].

⁸ См. подробнее: ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1–6.

ная тема пролетарской литературы»⁹ на Пленуме правления РАППа в сентябре 1931 г.), стало выступление Александра Васильевича Косарева, генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, по вопросу показа героя социалистической стройки на IX съезде ВЛКСМ (январь 1931 г.)¹⁰.

Две эти темы — перестройки ЛОКАФа вслед за РАППом (см., например, доклад Л. С. Дегтярева¹¹) и изображение героя-ударника — стали основными для Второго пленума ЛОКАФа.

Именно в контексте этих тем возникает на пленуме и тема Гражданской войны. Однако на Втором пленуме ЛОКАФа уже не говорили о воспроизведении исторических событий, составлении истории, об отражении реальных исторических фактов. Напротив, речь шла об идеологии и о создании «мифа» о Гражданской войне.

Наиболее ярким примером этому представляется доклад Л. М. Субоцкого¹² — одного из ключевых критиков ЛОКАФа, члена ЦС ЛОКАФа [в дальнейшем — секретарь Оргкомитета Союза советских писателей, заведующий отделом литературы и искусства газеты «Правда» (1935), ответственный редактор «Литературной газеты» (1935–1937)]. Интересен представленный Л. М. Субоцким доклад прежде всего тем, что в нем впервые локафовским писателям были предложены методологические указания к изображению героя Гражданской войны и обозначены задачи, которые при этом должны быть реализованы.

Свой доклад критик вписывает в контекст основных тем Пленума и проходящих дискуссий: «Показ героя гражданской войны сейчас должен быть поставлен перед всем локафовским движением, перед всей локафовской литературой со всей силой. Если перед нами сейчас общая линия партии в художественной литературе ставит задачу показа героя социалистической стройки / героя-ударника, а в красноармейских условиях — героя боевой подготовки, то это отнюдь не снимает вопроса о показе широкого собирательного типа героя гражданской войны»¹³. Из сказанного следует если и не противопоставление, то по крайней мере разведение типов героя-ударника и героя Гражданской войны. Однако позже становится ясно, что эти типы героев сливаются в локафовской критике воедино. Л. Субоцкий обосновывает необходимость изображения героя Гражданской войны: «...подростающее поколение, которое не прошло через гражданскую войну, которое сейчас идет на широкую арену соц. стройки, не вооружено в достаточной степени революционными традициями борьбы рабочего класса, традициями, которым учатся на образцах»¹⁴. В этом отношении советская литература противопоставляется западной: «...феодалная и буржуазная литература всегда имела таких героев, всегда показывала широкие собирательные типы, которые привлекали умы молодежи того времени. <...> мы всюду видим этого героя, этот широкий собирательный тип, который должен служить образцом для буржуазной молодежи, тем идеалом, которому должна следовать буржуазная молодежь»¹⁵. В советской же литературе, по словам Л. Субоцкого, нет «образца героя» Гражданской войны: «...у нас <в>

⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 133. 34 л.

¹⁰ См.: [10].

¹¹ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 16–41.

¹² ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 8–13. (вечернее заседание)

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

худ.<ожествленной> литературе еще чрезвычайно редок образец такого героя, который бы действительно стал любимым художественным литературным образцом»¹⁶. Таким образом, обозначается основная цель создания произведений о Гражданской войне и образа героя этой войны — идеологическая, воспитательная, уже не связанная с историей и реальным событиям прошедшей войны.

Любопытно, что перед Л. Субоцким в тот же день на Пленуме выступал на тот момент еще заместитель главного редактора, но в самом ближайшем будущем главный редактор газеты «Комсомольская правда» В. М. Бубекин. Напомним, основная дискуссия между Комсомолом и РАППом, за которой последовала «перестройка» РАППа и ЛОКАФа, развернулась именно в «Комсомольской правде». Хотя в печати и подчеркивалось, что «ЦК ВЛКСМ и редакция “Комсомольской правды” совершенно ясно представляли и представляют, что никакой особой, отдельной от литературного пролетарского движения творческой линии у комсомола быть не может, и не было, что ЦК комсомола и “Комсомольская правда” не являются и не могут являться по самому своему существу какой-либо творческой группой. И если нам иногда приходилось выступать <...> по творческим вопросам, то это объясняется только тем, что <...> ряд ошибочных установок не был в достаточной мере тт. из РАПП разоблачен» [8, с. 5], на пленуме ЛОКАФа Бубекин выступал именно по вопросам литературной теории и критики. В своем выступлении он говорил о том, что писателям необходимо обратиться к теме Гражданской войны — с воспитательной, по сути, идеологической целью. Он утверждал, что необходимо на привлекательном для молодежи, героическом материале прививать молодому поколению «правильные» ценности: «...нам надо воспитывать в молодежи подлинно боевой дух, героический дух, закалять их волю. Это можно сделать главным образом на примерах гражданской войны. У нас появляются большие ссылки на историю. Но, товарищи, история — историей, а все таки широкие полотна боевой героики и гражданской войны, закаляющие волю молодежи, готовые к победам, нам тоже нужны»¹⁷.

Таким образом, выступление Л. Субоцкого обозначает основную задачу будущих локафовских произведений о Гражданской войне — в соответствии с линией Комсомола и Партии. Локафовские писатели должны были создать «идеального» героя Гражданской войны как пример для подражания. Каким же он должен быть? «Кто те герои гражданской войны, которые должны стать героями нашей худ.<ожествленной> локафовской литературы, это, конечно, люди, выдвинутые из самой глуши рабочего класса, из самой глуши нар.<одных> масс»¹⁸. При этом подчеркивалось, что перед писателями «встает огромная опасность отрыва героя от масс, встает огромная опасность сделать его героем-одиночкой, героической личностью, не связанной с массами. Наш коллективный герой — масса»¹⁹. Но эта масса должна быть не безлика, «нельзя подходить к массе в плане уравниловки и обезлички», потому что «рабочий класс монолитен, но не обезличен. Он состоит из нескольких людей и именно в показе этих нескольких людей интересно показать весь рабочий класс с его героической борьбой на фронтах гражданской войны»²⁰. Кем же должны быть истинные герои Гражданской войны? По утверждению критика, «это, конечно, люди, выдвинутые из самой глуши

¹⁶ Там же.

¹⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 40. (утреннее заседание)

¹⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 8–13. (вечернее заседание)

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

рабочего класса, из самой глуши нар.<одных> масс. Это люди, которые выдвинуты самой массой на командные посты, которые в этом смысле являются носителями истор.<ической> решимости рабоч.<его> класса завоевать свое освобождение, носителями всех тех героич.<еских> особенностей рабоч. <его> класса, которые провели под пушками 14 империалистических государств к победе в эпоху гражданской войны»²¹. Описывая черты, которыми должен быть наделен герой, Л. Субоцкий противопоставляет героя «нашего» герою «буржуазному». Западная литература, по мнению критика, «лицемерно подставляла вместо священной частной собственности, за которую героически бились и умирали герои буржуазной литературы, всевозможные отвлеченные понятия — надклассовое понимание цивилизации, долг, любовь к стране или женщине, справедливость и т. д. и т. п.»²², а «буржуазные мастера показывали своих героев с значительным числом элементов биологических, указывая на их физическую силу и красоту, описывая то, что ни один мускул героя не дрогнул в самый опасный решающий момент его деятельности»²³. Ничего подобного в советской литературе о Гражданской войне быть не могло. Локафовские писатели должны были «всемерно подчеркивать, что основной базой нашего героизма является правильное понимание сознания классового долга и, вместе с тем, преодоления страха смерти, которое ведет героя к победе, что должно быть нами показано, как естественное воплощение в жизнь правильно понятого классового долга»²⁴.

При этом герой Гражданской войны не должен был получиться абсолютно положительным. Нельзя создавать «чуть ли не сверхчеловека без страха и упрека». Локафовский критик предлагал создать героя, лишённого «биологической составляющей» и «отвлеченных понятий» — долга, любви к стране или женщине, справедливости, но при этом не «лишённого человеческих черт». Под человеческими же чертами, по всей видимости, понимался «психологический рисунок героя», в котором «должны быть отображены также — сомнения рабочего класса, горькие отступления, падения и т. д.»²⁵.

И хотя четко указывалось, что героем Гражданской войны не может быть «попутчик» («это должен быть человек нашего класса, не попутчик, не случайный человек в нашей красной армии, а человек, органически выросший из ее классового характера»²⁶), по вопросу о том, какого именно человека можно изображать как героя Гражданской войны, единодушия в локафовских рядах не было: «...это может быть рядовой боец, командир, красногвардеец-рабочий и профессиональный революционер-комиссар. Это может быть и вождь Ворошилов и Фрунзе и пролетарский неизвестный красноармеец»²⁷. Однозначна и бесспорна в образе будущего героя Гражданской войны была только идеологическая составляющая: «...пролетарская литература должна могилы этих неизвестных красноармейцев, рассеянные по всему великому советскому Союзу» превратить «в известные всему миру могилы, известных героев, погибших во имя торжества революции»²⁸.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

Таким образом, в докладе Л. Субоцкого впервые обозначаются теоретические методологические положения, в рамках которых писатели ЛОКАФа должны были создавать героев Гражданской войны. Особо подчеркивается, что

- 1) герой Гражданской войны должен быть собирательным типом героя,
- 2) нельзя «отрывать» героя от массы (не должно быть героя-одиночки, «наш» коллективный герой — масса), но при этом масса эта не должна быть безликой,
- 3) через образы героев надо показать весь рабочий класс,
- 4) движет героями классовый долг,
- 5) героем может быть только «наш классово» человек, не попутчик,
- 6) собирательный тип героя должен быть примером для молодежи.

Повторимся, что это — основные черты, которые должны быть присущи герою Гражданской войны. Но все те же самые положения к моменту доклада Л. Субоцкого уже не раз звучали в докладах на пленумах и совещаниях ЛОКАФа, а также в прессе этого периода, но — применительно к героям современности — героям социалистического строительства, героям-ударникам, героям пятилетки.

Например, еще в сентябре 1931 г. И. С. Макарьев делает доклад на сентябрьском пленуме правления РАППа — «Показ героев труда — генеральная тема пролетарской литературы»²⁹, в котором подчеркивает, что «прежде и раньше всего нашего героя — нет без коллектива, частью которого он является и вне которого он себя не мыслит. <...> Наш герой есть выражение коллективной воли, опыта, борьбы»³⁰. В. П. Ганибесов в своем выступлении на расширенном пленуме Ленбалтлокафа 6 декабря 1931 г., ссылаясь на доклад Макарьева, повторяет, что «показ лучших предполагает также создание в художественной литературе и собирательных типов»³¹, и критикует современные очерки об ударниках за схематизм и за то, что герои показываются «100% положительными». При этом задача, которую должно реализовать изображение героя-ударника в литературе, оказывается на удивление идентичной задаче изображения героя Гражданской войны: «Показом передовиков Красной армии и Красного флота мы вооружаем бойцов и начальствующий состав энергией к дальнейшей борьбе, к преодолению трудностей, передаем опыт работы передовиков, воспитываем классовое самосознание»³².

Обозначаемые критиками недостатки очерков о героях-ударниках также оказываются удивительно схожи с ошибками в изображении героя Гражданской войны, от которых предостерегает Л. Субоцкий. На Первом пленуме совета ЛОКАФа 8 января 1932 г. поднимался вопрос о показе массы в творчестве ударников. Отмечалось, что в большинстве произведений «ударники говорят, как один, как вся масса, не противостоят, не отделяясь, ничуть не выделяясь из массы»³³, тем самым писатели старались подчеркнуть «слитность со всем классом, слитность со всей массой, полное единство героя и массы». Но «этот показ массы часто бывает таким, что масса обезличивается, говорится вообще о массе, о красноармейцах вообще, нет конкретных людей, конкретных бойцов, масса становится безликой»³⁴, что отрицательно оценивается локафовскими критиками. На том же, Первом, пленуме создается модель идеального героя-ударника: «...наш герой — прежде всего выражение коллективной воли, опыта, борьбы

²⁹ См. стенограмму: ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 133. 32 л.

³⁰ Там же. Л. 19.

³¹ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 49.

³² Там же. Л. 48.

³³ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 17.

³⁴ Там же. Л. 18.

за укрепление боеспособности Красной армии, за овладение техникой, за дисциплину, за четкое и ясное понимание своих классовых задач, за социалистическое строительство, за диктатуру пролетариата, за мировую революцию — вот наш герой»³⁵, который оказывается практически идентичным образу идеального героя Гражданской войны в описании Л. Субоцкого.

Таким образом, на волне всеобщего интереса к теме Гражданской войны (вызванного по большей части издательским проектом М. Горького «История Гражданской войны»), на волне дискуссии между РАППом и Комсомолом, под влиянием «перестройки» РАППа и повсеместных дискуссий о показе героя-ударника (героя социалистического строительства), в критике ЛОКАФа начинают разрабатываться теоретические положения о показе Героя гражданской войны в художественной литературе. Однако никакой установки на историзм, воссоздание эпохи, отображение истории (как это было в первоначальных обращениях к локафовцам о помощи в сборе материала для Горьковской «Истории...») в положениях 1932 г. уже нет. Теперь локафовским писателям предлагается создавать образ героя Гражданской войны, максимально приближенный к образу героя-ударника, «идеальный» тип которого уже озвучен в выступлениях РАППа и Комсомола, т. е. образ героя, актуального для современности (1932). При этом четко проговаривается и цель создания произведений о Гражданской войне — воспитательная, скорее, даже идеологическая. По всей видимости, именно в этот момент в советском государстве и литературе начинает «переписываться», «переформатироваться» история Гражданской войны, начинает создаваться миф, идеологически работающий на современность.

Именно в этом контексте, исходя из вышеизложенных методологических положений, критики ЛОКАФа оценивали новые произведения о Гражданской войне и отзывались о произведениях, созданных ранее.

В первом номере локафовского журнала «Залп» за 1932 г. появляется статья В. Матвеева «Необходимые замечания» [11], посвященная горьковскому проекту «История гражданской войны» и сообщающая о необходимости создания локафовскими писателями произведений о Гражданской войне. В статье подчеркивается именно воспитательно-идеологическая цель произведений: «Перед нами стоит задача передать опыт нашей борьбы братским компартиям, нашей молодежи, не знавшей гражданской войны. Он необходим им как в предстоящих схватках с буржуазным миром, так и в повседневной борьбе за социалистическое переустройство мира» [11]. Одновременно с этой статьей в первом номере за 1932 г. второго основного журнала объединения — «ЛОКАФ» — опубликована статья И. Данилова «За высокую идейность литературы о Гражданской войне» [5], где подчеркивается важность идеологической составляющей произведений: «Художник, приступивший к разработке темы о гражданской войне, должен подойти прежде всего к себе с требованием указанной глубины и четкости понимания явлений, которые он хочет трактовать, с требованием достаточной высоты своего идеологического уровня и марксистско ленинского качества своего мировоззрения» [5, с. 141]. Автор также указывает на воспитательную функцию литературы о Гражданской войне: «Годы гражданской войны <...> представляют колоссальные возможности для изучения и извлечения поучительнейших выводов для нашего времени» [5, с. 143]. Основная часть статьи И. Данилова посвящена критике романа Н. Ракина «Записки конармейца», который был опубликован в издательстве «Федерация» в 1931 г. Данилов отмечает, что книга автобиографична, но в ее центре — автор, а не эпоха, что,

³⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 16.

с точки зрения локафовского критика, плохо: «Единственная ценность книги — в том, что она может удовлетворить интерес к личности, к судьбе автора» [5, с. 144]. Однако образ главного героя оценивается отрицательно. В первую очередь подчеркивается недостаточная идеологическая составляющая произведения: «Читатель увидит <...> образ бойца-командира, беззаветно дерущегося за революцию, сохраняющего бодрость духа во всех трудностях, но никогда не задумывающегося глубоко над совершающимся. И вот это последнее лежит неизгладимым отпечатком на всей книге. Не только тогда, в самом ходе описываемых событий, автор не умел задумываться над их смыслом, но и теперь, после многих лет созидательной работы в стране и борьбы за овладение теоретическими высотами, он не сумел по-настоящему осмыслить события, не поднялся до их марксистско-ленинского понимания. Он остался верен поверхностному взгляду, легковесному эмпиризму, характеризующему его мировоззрение и творческий метод» [5, с. 144]. Отсутствие ярко выраженной идеологической оценки событий в романе, по мнению критика, приводит к тому, что произведение не соответствует основной задаче создаваемой литературы о Гражданской войне — воспитательной, так как произведение не дает «правильной», «марксистско-ленинской» трактовки войны: «Большая часть нашей молодежи знает гражданскую войну. Но растут новые поколения, узнающие о ней только по книгам, <...> на них учатся понимать эти великие годы. И весьма значительным преступлением было бы давать им вместо глубокоосмысляющих гражданскую войну, рисующих широкую картину борьбы, произведений — поверхностные зарисовочки изолированных, самодовлеющих, в себе самих замкнутых эпизодов. А именно это делает автор “Записок конармейца”» [5, с. 145]. И. Данилов критикует роман за «обезличивание массы»: «Глубоких, социальных, идеологических и психологических различий между людьми, бойцами, командирами — нет» [5, с. 146]. Разбирая образ главного героя романа, И. Данилов «громит» произведение за «прокламирование физической силы, вместо идеологических достоинств» [5, с. 146], что отсылает нас к докладу Л. Субоцкого, который, противопоставляя «нашу» литературу западной, говорил, что «буржуазные мастера показывали своих героев с значительным числом элементов биологических, указывая на их физическую силу и красоту», а в противоположность этому задача советских писателей — «всемерно подчеркивать, что основной базой нашего героизма является правильное понимание сознания классового долга». Таким образом, становится очевидным, что И. Данилов критикует роман Н. Ракитина именно по тем основным позициям, которые были обозначены Л. Субоцким на локафовском пленуме как основа для создания «правильного» образа героя Гражданской войны. А именно: герой Н. Ракитина не становится собирательным типом, так как по природе своей автобиографичен, за счет этого оказывается оторванным от массы, которая, по мнению И. Данилова, в романе «обезличена», автор романа не указывает, что героем движет классовый долг, а напротив, подобно буржуазным авторам, подчеркивает физическую силу своего героя, а потому герой никак не может быть образцом для молодежи.

Немного позже, в № 11 за 1932 г., в журнале «ЛОКАФ» публикуется статья П. Березова «О творчестве А. Фадеева» [1], где, в частности, критик рассматривает роман «Разгром». В целом отмечается, что роман Фадеева — одно из лучших произведений о Гражданской войне на данный момент. Подчеркивается, что автор не «обезличил массу», а наоборот, «партизанская масса расчленена, дифференцирована на значительное количество характерных типов» [1, с. 170], и при этом «каждое действующее лицо имеет самодовлеющее значение, представляет самостоятельный образ» [1, с. 171]. Наиболее важным в связи с этим оказывается, что герои не становятся оторванными от мас-

сы индивидуальностями, но типизируются и изображаются как «представители масс», как выразители «сознания и воли целых социальных пластов» [1, с. 171]. За счет этого герои романа «Разгром» «воспринимаются как удачно персонифицированные социальные категории» [1, с. 172]. Но эта — идеальная с точки зрения локафовской критики — модель героя Гражданской войны у Фадеева выдерживается не везде, и, по мнению критика, «на портретах некоторых персонажей еще лежит налет излишнего “героизма”, чрезмерного возвышения личности над коллективом» [1, с. 172]. Именно этот недостаток оказывается присущ главным героям романа — Левинсону. Таким образом, роман А. Фадеева «Разгром» оценивается локафовскими критиками в целом как «свой», в качестве положительных черт указывается на обобщенные, собирательные типы героев, являющихся представителями своего класса, на слиянность героев с массой, которая, однако, не становится безликой. Из недостатков же — «буржуазные пережитки» в изображении главного героя произведения, который все-таки оказывается выше массы, наделенный «героическими» чертами.

С этих же позиций, с указанием на практически те же недостатки и достоинства П. Березов в том же 1932 г. разбирает на страницах «ЛОКАФа» и «Железный поток» А. Серафимовича [2].

Таким образом, разработанные локафовскими критиками и обобщенные Л. Субоцким в докладе на Втором расширенном пленуме методологические указания к изображению героя Гражданской войны в «локафовской продукции» были приняты критиками как основа для анализа произведений о Гражданской войне. Именно по этим критериям они определяли соответствие произведений «задачам сегодняшнего дня».

Но наиболее интересным оказывается другое: принципы изображения героя Гражданской войны, разработанные ЛОКАФом, не забываются после роспуска объединения, а надолго входят в инструментарий советских критиков.

В 1934 г., когда ЛОКАФа уже два года официально не существует, выходит критико-библиографический сборник «Оборона СССР и художественная литература» [12], в котором произведения о Гражданской войне анализируются именно с позиций локафовских критиков, при этом «библиографическая» часть сборника по большей части состоит только из их же статей и книг.

Например, статья сборника, посвященная «Железному потоку» А. Серафимовича, практически слово в слово повторяет статью П. Березова [2], опубликованную в журнале «ЛОКАФ» двумя годами ранее. Как главное достоинство произведения указывается наличие в нем «коллективного героя», «своего» классово: «Бедняцко-средняцкое крестьянство и отчасти полупролетарии — ремесленники — вот главный коллективный герой произведения, который “железным потоком” устремился против своих классовых врагов...» [12, с. 32]. Составитель сборника подчеркивает, что главной задачей писателя было показать массу, коллектив, что отражается даже в названии романа. При этом в произведении А. Серафимовича нет традиционных «главных героев», и даже Кожух, по мнению составителя, таковым не является: «Кожух является типичным представителем определенного социального пласта, сгустком коллективной воли и массового опыта» [12, с. 32]. Таким образом, в разборе романа «Железный поток» 1934 г. так же, как и в локафовской критике, подчеркивается наличие коллективного героя, массы, которая борется против «классовых врагов». Отдельные же персонажи определяются как обобщенные типы представителей различных социальных слоев.

В том же сборнике представлена статья о «Разгроме» А. Фадеева, в библиографии к которой единственная ссылка — на статью П. Березова [1] в локафовском

журнале. Вслед за локафовскими критиками роман оценивается как «свой» — за счет того, что в нем представлены обобщенные типы героев: Фадеев «сумел <...> развернуть разнообразные типические характеры» [12, с. 36–37], и герои «воспринимаются как представители масс, как выразители сознания и воли целых социальных пластов» [12, с. 37]. Разбирая образы основных героев романа, составитель сборника противопоставляет Мечика и Левинсона — с «классовой» точки зрения — и утверждает, что «Фадеев вскрывает классовую основу отрицательных черт характера Мечика. Мечик не от природы трус и предатель, а потому, что революция ему не дорога, он ее случайный попутчик, и в трудный, опасный момент он изменяет ей» [12, с. 37]. Эта оценка вновь отсылает нас к докладу Л. Субоцкого, который утверждал, что героем Гражданской войны может быть только «наш классово человек, не попутчик». В образе Левинсона же, по мнению составителя сборника, «запечатлены черты большевика, организатора и руководителя отряда» [12, с. 37], что приближает его к «идеальному герою». Однако и в Левинсоне есть черты, не позволяющие сделать его безоговорочным образцом для молодежи и молодых писателей, создающих произведения о Гражданской войне. Дело в том, что Левинсон в романе не сливается с массой «в едином порыве», как того требовала от идеального героя локафовская критика. Левинсон «ощущает себя над отрядом» [12, с. 37], выделяется из массы и противопоставляется ей самим автором: «Фадеев слишком подчеркнуто противопоставляет сложное многообразие внутреннего мира Левинсона прямолинейной простоте психологии остальных партизан» [12, с. 37].

Таким образом становится очевидным, что и теоретические и методологические положения ЛОКАФа, и статьи его теоретиков и критиков остаются актуальными и после официального роспуска самой организации, становясь основой для оценки литературных произведений о Гражданской войне и в более позднюю эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Березов П. О творчестве А. Фадеева // ЛОКАФ. 1932. № 11. С. 164–179.
- 2 Березов П. Путь к овладению высотами искусства (О творчестве А. Серафимовича) // ЛОКАФ. 1932. № 6. С. 108–128.
- 3 Быстрова О. В. Издательский проект М. Горького «История гражданской войны»: по материалам архива А.М. Горького (ИМЛИ РАН) и РГАСПИ // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2, № 4. С. 378–393.
- 4 Глинкин П. Е. Русская проза о ВОВ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1971. 32 с.
- 5 Данилов И. За высокую идейность литературы о Гражданской войне // ЛОКАФ. 1932. № 1. С. 141–148.
- 6 Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. München: Sagner, 1993. 405 с.
- 7 Добренко Е. Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 225–241.
- 8 За магнитострой литературы! // Смена. 1931. № 212 (Декабрь). С. 4–5.
- 9 Колесник П. И. «ЛОКАФ» и развитие советской военно патриотической прозы 30 х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1978. 19 с.
- 10 Косарев А. За большевистские темпы плюс качество. Доклад и заключительное слово на IX Всесоюзном съезде ВЛКСМ. М.: Огиз — Молодая гвардия, 1931. 109 с.

- 11 *Матвеев В.* Необходимые замечания // Залп. 1932. № 1. С. 44.
- 12 Оборона СССР и художественная литература. Критико-библиографический сборник / под ред. К. Лавровой. М.: Изд-во Научно исследовательского критико-библиографического ин-та, 1934. 42 с.
- 13 Пленум решительного перелома // Литературная газета. 1931. № 066 (165) (8 декабря). С. 1.
- 14 *Шошин В. А.* Ленинградско-Балтийское отделение литературного объединения Красной армии и флота (1930–1934) // Из истории литературный объединений Петрограда–Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы / отв. ред. В. П. Муромский; Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). СПб.: Наука, 2006. Кн. 2. С. 160–189.

© 2018. Zoya S. Zakruzhnaya
Moscow, Russia

**PRINCIPLES OF REPRESENTATION OF THE CIVIL WAR HERO
IN LITERARY CRITICISM OF ‘LOCAF’ MEMBERS
(BASED ON MATERIALS OF THE DEPARTMENT
OF MANUSCRIPTS OF THE IWL RAS)**

Acknowledgements: The article was prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 17-84-01005 а (ц) “Historiography of the Civil War in Russia in literary records, writers’ diaries, correspondence with readers. Research and publications of archival materials”.

Abstract: The literary union of the Red Army and Navy (LOCAF), one of the latest literary associations of 1920–1930s, included not only an artistic but also a critical section, consisting of prominent critics of the time. Criticism of LOCAF was much more interesting and productive than the literary work of the union. This article highlights methodological principles and indications for the representation of the hero of the Civil War in the LOCAF’s literature. It focuses both on the evolution of these principles and the social literary context that influenced the former, paying special attention to the “restructuring” of RAPP and the publishing project of M. Gorky “The History of the Civil War”. Also, the theoretical development of the image of the hero of the Civil War is compared with the development of the hero of modern times — hero of the “pyatiletka”, the “shock-worker” — both in the LOCAF’s criticism and in the criticism of RAPP, FOSSP, as well as speeches of the leaders of the Komsomol. Apart from a detailed analysis of one of the key LOCAF reports on portrayal of the hero of the Civil War, L. Subotsky, the author demonstrates how theoretical positions of the LOCAF critics were reflected in the critical articles on the pages of the union’s magazines and in the articles of a later period when, with the establishment of the Union of Soviet Writers, the LOCAF was dissolved.

Keywords: LOCAF, criticism, civil war, literary hero, Subotsky, Fadeev, Serafimovich.

Information about author: Zoya S. Zakruzhnaya — Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: z.zakruzhnaya@mail.ru

Received: May 15, 2018.

Date of publication: September 15, 2018

For citation: Zakruzhnaya Z. S. Principles of representation of the Civil War hero in literary criticism of 'Locaf' members (based on materials of the Department of manuscripts of the IWL RAS). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 171–184. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Berezov P. O tvorcestve A. Fadeeva [On the work of A. Fadeev]. *LOKAF*, 1932, no 11, pp. 164–179. (In Russian)
- 2 Berezov P. Put' k ovladeniju vysotami iskusstva (O tvorcestve A. Serafimovicha) [The way to mastering the heights of art (On the work of A. Serafimovich)]. *LOKAF*, 1932, no 6, pp. 108–128. (In Russian)
- 3 Bystrova O. V. Izdatel'skij proekt M. Gor'kogo "Istorija grazhdanskoj vojny": po materialam arhiva A. M. Gor'kogo (IMLI RAN) i RGASPI [Publishing project of M. Gorky "History of the Civil War": based on the materials of A.M. Gorky (IMLIRAS) and RGASPI]. *Studia Litterarum*, 2017, vol. 2, no 4, pp. 378–393. (In Russian)
- 4 Glinkin P. E. *Russkaja proza o VOV* [Russian prose about the Second World]. Abstract of dissertation doctor of Philology. Moscow, 1971. 32 p. (In Russian)
- 5 Danilov I. Za vysokuju idejnost' literatury o Grazhdanskoj vojne [For the high ideology of the literature on the Civil War]. *LOKAF*, 1932, no 1, pp. 141–148. (In Russian)
- 6 Dobrenko E. *Metafora vlasti: Literatura stalinskoj jepohi v istoricheskom osveshhenii* [The metaphor of power: The literature of the Stalin era in historical illumination]. München, Sagner Publ., 1993. 405 p. (In Russian)
- 7 Dobrenko E. Oboronnaja literatura i socrealizm: LOKAF [Defense literature and Socialist Realism: LOCAF]. *Socrealisticheskij kanon* [The Social realistic canon], general ed. by H. Gjunter, E. Dobrenko. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000, pp. 225–241. (In Russian)
- 8 Za magnitostroj literatury! [For magnetostructured literature!]. *Smena*, 1931, no 212 (December), pp. 4–5. (In Russian)
- 9 Kolesnik P.I. "LOKAF" i razvitie sovetskoj voenno-patrioticheskoj prozy 30-h godov ["LOCAF" and the development of the Soviet military patriotic prose of the 1930s]. Abstract of dissertation candidate of Philology. Moscow, 1978. 19 p. (In Russian)
- 10 Kosarev A. *Za bol'shevistskie tempy pljus kachestvo. Doklad i zakljuchitel'noe slovo na IX Vsesojuznom s"ezde VLKSM* [For the Bolshevik pace, plus quality. Report and closing speech at the Ninth All-Union Congress of the Komsomol]. Moscow, Ogiz — Molodaja gvardija Publ., 1931. 109 p. (In Russian)
- 11 Matveev V. Neobhodimye zamechanija [Necessary remarks]. *Zalp*, 1932, no 1, p. 44. (In Russian)
- 12 *Oborona SSSR i hudozhestvennaja literatura. Kritiko-bibliograficheskij sbornik* [Defense of the USSR and fiction. Critical-bibliographical collection], ed. by K. Lavrova. Moscow, Nauchno issledovatel'skij kritiko-bibliograficheskij institute Publ., 1934. 42 p. (In Russian)
- 13 Plenum reshitel'nogo pereloma [Plenum of decisive turning point]. *Literaturnaja gazeta*, 1931, no 066 (165) (December 8), p. 1. (In Russian)
- 14 Shoshin V. A. Leningradsko-Baltijskoe otdelenie literaturnogo ob"edinenija Krasnoj armii i flota (1930–1934) [The Leningrad-Baltic Division of the Literary Union of the

Red Army and Navy (1930–1934)]. *Iz istorii literaturnyj ob"edinenij Petrograda–Leningrada 1920–1930-h godov: Issledovanija i materialy* [Excerpts from the history of literary associations of Petrograd-Leningrad in the 1920–1930s: Studies and materials], ed. V. P. Muromskij; Institut ruskoj literatury (Pushkinskij dom). St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, book 2, pp. 160–189. (In Russian)